

Г.У. Михайлова

«ТАК, С МАЛОЛЕТНЕЙ СЕСТРЕНКОЙ МЫ ОСТАЛИСЬ ОДНИ...»

Лето 1941 года началось у меня, как и у большинства ленинградских школьников. Кончились занятия в школе — да здравствуют каникулы! Я перешла в пятый класс 2-й школы Василеостровского района и с родителями, братом и сестренкой собирались уехать в деревню. Но планам нашим не суждено было свершиться.

На семейном совете решили сразу — эвакуироваться не будем. Папе шел уже 65-й год, здоровьем он похвастаться не мог, а маме одной с тремя детьми уезжать не хотелось.

Так уж получилось, что вскоре я стала «старшей» в семье, так как все хозяйство держалось на мне. Папа слег, мама тоже болела и не могла выходить из дома. Сестренке было 4 года, брату 15 лет, но он, как ученик ремесленного училища при заводе Калинина, работал там, почти не бывая дома. Завод выполнял военные заказы.

Мне приходилось стоять в очередях за теми продуктами, которые выдавались по карточкам, менять вещи на хлеб или что-либо съестное, готовить скудную еду, доставать дрова. Я же выполняла обязанности за всю семью по дежурству у ворот дома, на крыше и т.д. Помню, мое дежурство на крыше совпало с бомбежкой зоосада. Я страшно испугалась огромного зарева пожара, решив, что огонь поглотит весь город.

15 января 1942 года не стало моего отца — Ульяна Михайловича Михайлова. С большим трудом мама и брат вдвоем свезли отца на Пискаревское кладбище. Брату это стоило последних сил — он слег и больше уже не поднялся. В первых числах мая мне помогли устроить брата в больницу, затем в госпиталь, но спасти его не удалось. Вскоре мой брат Константин умер. Маму Марию Матвеевну я оплакала еще в апреле.

Так, с малолетней сестренкой мы остались одни. Три месяца еще кое-как продержались, а потом, крепко взявшись за руки, боясь, что нас разлучат, пришли в детдом. В августе 1942 года нас вместе с детдомом эвакуировали.

В Ленинград вернулась в октябре 1944 года. Жизнь пришлось начать сначала.